

*Андрей КОРНЕВ,
Ольга РОМАНЕНКО*

ГЛИНЯНЫЙ КОСМОС ВЛАДИМИРА ШАПОВАЛОВА

Искусство, связанное с традиционными украинскими промыслами, привычно воспринимается своеобразным ковчегом, но не тем, который плывет по бурным волнам навстречу жизни, а тем, в котором хранятся замшелые древности. Проблема состоит в том, что традиция по-настоящему ценна тогда, когда органично вплетает в мощную энергетику архаики, современные формы, мотивы, образы. Харьковский керамист Владимир Шаповалов, один из немногих мэтров, чье творчество всегда остается актуальным, поскольку он не гонится за временем, а почти побуддийски наблюдает за его течением. Сама фигура В. Шаповалова с неподражаемой «коненковской» бородищей и внутренней самоиронией, осязаемой во многих работах, дает благодатную почву для сравнений и ассоциаций. Он искренен и прямодушен, хотя и не прост, его взгляд постоянно отыскивает «подножный» материал, тот «сор», из которого, по словам Ахматовой, и растут стихи.

В характеристиках его творчества можно встретить отзвуки биографии: «математик, с душой лирика» или определение творческого кредо: «разрушение привычной иерархии европейских искусств». Действительно, вещи в исполнении Шаповалова не вписываются в строгие стилевые рамки, они могут украшать престижные виллы и хипповые мансарды, частные коллекции и государственные музеи. Они завораживают буквально всех и с первого взгляда. И как может быть иначе у человека, который за свою долгую творческую жизнь понял один простой и всеобъемлющий закон: «все знать о глине может знать только глина». Понял, и начал говорить с глиной на ее языке.

Важно, что Владимир не просто «слышит» материал, он ведет с ним диалог, и, в свою очередь, учит глину распознавать голоса в разноязычном хоре мировой культуры. Из его керамических серий складываются поистине кортасаровские шарады, в которых «Бабочки Чжуан-Цзы» переплетаются с «Бабочками Набокова». А в

следующий миг интеллектуальные игры сменяются забавными «поделками» и можно абсолютно по-детски радоваться «Идущим по Сумской» или ржавому археологическому идолу, украшенному винными пробками, вперемешку с глиняными бирюльками. Так складывается Космос мастера, в котором он – Демиург, вдохнувший жизнь в глину. Остается только (следуя все той же традиции), напомнить, что «сначала было Слово» и выслушать монолог Демиурга Глиняного Космоса.

«ГОНЧАРСТВО – КАК ЕЗДА НА ВЕЛОСИПЕДЕ...»

Я родился в Приморском крае России в апреле 1945, за месяц до Победы. Сибирские корни много значат в моей жизни. Начнем с того, что Дальний Восток после войны был наводнен высокими образцами «трофейного» искусства. В основном это были старинный китайский фарфор, керамика, замечательная каллиграфия и свитки. Только спустя много лет, в отделе Востока в Эрмитаже, да еще в Москве я видел подобные собрания искусства Дальнего Востока.

В гончарстве очень много зависит от технологий, многие мастера останавливаются на форме, не экспериментируют с материалами для покрытия, глазуриями, красителями. В Новосибирске, можно сказать по счастливой случайности, я смог овладеть большой палитрой глазури и это была замечательная база. Подобную я позже нашел в Харькове, когда сотрудничал с Будянским заводом. Со временем появились и свои секреты.

Ну, и конечно много дали поездки, путешествия по Украине, России, Прибалтике, участие в заграничных симпозиумах. Гончарство – как езда на велосипеде, очень увлекательное, азартное ремесло.

«СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО – ОНО ТАКОЕ...»

У нас нет культуры восприятия прикладного искусства, редко найдешь человека, который бы оценил особенности гончарного мастерства. С одной стороны, в Украине всегда был высокий уровень развития гончарства, не уступающий таким известным центрам, как Древняя Греция или Среднеазиатский регион.

Здесь были и глины и настоящие художники в области орнамента. Но, к сожалению, прикладное искусство в Украине и сейчас остается на уровне прошлого, а то и позапрошлого века.

Конечно, надо сохранять старые гончарные центры, такие как Опишня в Полтавской области. Там периодически устраивали очень интересные гончарные симпозиумы. Я сам много полезного выношу из такого общения. А вот с обжигом там проблемы — дедовским способом да в дровяной печи, особо не поэкспериментируешь. Тем более, это касается парковой керамической скульптуры, для которой нужен особый температурный режим при обжиге. Вот почему современная керамика, это, прежде всего — технологии. Именно в плане технологии я часто сталкиваюсь с консерватизмом и непониманием.

Процессы работы с глиной сильно изменились за последние столетия. Если раньше основой для керамического производства служило село и ярмарочная торговля, то сейчас 90% гончаров живет и работает в городе. Городской житель привносит свою культуру, в результате меняется стиль работ, они становятся более профессиональными и урбанистическими, в чем-то ближе к дизайну. Это общемировая тенденция, когда национальный стиль служит основой, от которой отталкиваются, чтобы создавать новое.

У меня есть, например, серия складней, где я сочетаю дерево, керамику и даже сложно сказать, что там еще. На Западе давно соединяют керамику с металлом, кожей, стеклом, текстилем. Современное искусство — оно такое...любит смешанную технику, инсталляции.

«Я НЕ ТИРАЖИРУЮ»

Человек может просто заниматься терракотой, глиной и находить в этом кайф. Всю свою керамику я от начала и до конца сам делаю, сам готовлю соли, различные глазури, сам загружаю в печь, обжигаю. Что касается мотивов, то я редко что-то заимствую напрямую, скорее использую принцип саморазвития форм, жанров, и делаю свое. Так получилось с серией чайников, которые почему-то связывают с Японией. Но это все — миф, легенда, навеянная чайными церемониями. На самом деле, чайники носят абсолютно индивидуальный характер, у меня их 5-6 типов и все разные.

Я вообще не тиражирую. Иногда для баловства, чтобы не забыть, откуда формы растут. Тиражность порождает товарный фетишизм и убивает искусство. Огромное количество экспортных образцов заставляет украинских керамистов переходить на копирование. Может быть, еще и поэтому я предпочитаю общаться с самобытными поэтами, композиторами, театральными художниками. Они составляют круг моего общения, воспитывают вкус, заставляют искать собственную философию творчества.

На самом деле, художник живет не в пространстве, а в четвертом измерении — во времени, которое необходимо преодолевать, постоянно опережая события. Например, то, к чему я пришел лет 20 назад, сейчас оказывается востребованным и современным, и это правильный подход.

«МИР СТАЛ ТЕСНЫМ»

Хотя с 1975 года я живу в Украине, а с 1979 преподаю керамику в Харьковском Художественно-промышленном институте (сейчас Академия дизайна и искусств), но к своей персональной выставке шел долго. Я и сейчас не тороплюсь, и свои этапные выставки делаю раз в десять лет (промежуточные через 3-4 года). Поэтому первая персоналка состоялась во Львове, в 1992. Волновался, конечно, поскольку еще не был знаком с керамистами с Западной Украины. Но все оказались очень доброжелательны, несмотря на то, что не многие работают в одном со мной направлении.

Затем пошли симпозиумы в Опишне, и далее — выход на мировой уровень. Плодотворной оказались поездки в Цинциннати. Штат Огайо считается столицей керамики, еще сто лет назад здесь было создано «Американское керамическое общество». Подготовка к международным симпозиумам там ведется на очень высоком уровне, приезжают ведущие специалисты со всего мира. Я раньше никогда не представлял, что буду бок о бок работать с немцами, китайцами, французами, японцами. Оказалось очень здорово, особенно когда представитель каждой страны давал открытую лекцию с показом слайдов о развитии национальной керамики. Высокий уровень керамических изделий в Украине поразил всех. А я почувствовал, что мир стал тесным и сразу стало видно, кто над чем думает, у кого какие проблемы.

Р.С. НЕОТСНЯТОЕ КИНО

Жизнь — это лучший кинооператор, ничто не сравнится с ее сюжетными ходами и своеобразным монтажом. И все-таки жаль, что многие кадры уже никогда не попадут на настоящую пленку. В сезон 2005 года харьковский Художественный музей чествовал 30-летие творческой деятельности Владимира Шаповалова. Огромная толпа учеников, поклонников и коллег рассеянно следила за течением всегдашнего, похожего один в один на сотни предыдущих (черт возьми, опять дань старым традициям!), церемониала открытия выставки. Все ждали неформального общения, возможности лично подойти к юбиляру. И грянул фуршет. Дотошные журналисты, отстрочив в блокнотики и отключив диктофоны, потянулись к столикам. Еще раньше умчались вечно не успевающие на очередное мероприятие телевизионщики. И некому было зафиксировать те самые, как всегда, лучшие кадры.

В подарок от своих бывших учеников, уже известных талантливых мастеров, Владимир Шаповалов получил... огромный ствол бамбука. Он абсолютно по-детски шумно радовался сюрпризу, уже прикидывая, как применить его в будущих работах. А потом славянский седебородый Пан с бамбуковой «трембитой», легко вскинутой на плечо, уходил по закатным улицам Харькова, и люди удивленно оглядывались ему вслед.

Стоп. Снято. Одно мгновение из жизни Мастера.